

Оглавление

Введение	5
1. Теоретико-методологические основы исследования гастрономического туризма как формы репрезентации повседневной культуры питания и продвижения бренда «Дальневосточная кухня»	10
1.1 Повседневность как объект и основание исследования повседневной культуры питания и гастрономической культуры в научном знании	10
1.2 Гастрономический туризм как форма репрезентации повседневной культуры питания.....	33
Выводы по главе 1	44
2. Территориальный бренд в продвижении гастрономического туризма: культурно-антропологический контекст	46
2.1 Кулинарный бренд как основа развития и продвижения Приморского края	46
2.2 Гастрономическая культура этносов Дальнего Востока России как основа брендинга Приморского края.....	69
Выводы по главе 2	86
3. Формирование и продвижение дальневосточной кухни как ценностного этнокультурного явления (на примере Приморского края)	88
3.1 Природные и культурные ресурсы гастрономического туризма в контексте характеристик дальневосточной кухни	88
3.2 Концептуальное обоснование развития гастрономического туризма в продвижении территории Приморского края и формировании бренда «Дальневосточная кухня»	100
Выводы по главе 3	117
Заключение	118
Список литературы.....	121

Приложения	137
Приложение А	137
Приложение Б	139
Приложение В	141
Приложение Г	144
Приложение Д	146
Приложение Е	169
Приложение Ж	171
Приложение И	172
Приложение К	174

Введение

Актуальность исследования. В современной российской культуре активизировалась туристская деятельность не только как способ организации отдыха и досуга, но и как специфическая форма освоения культурного наследия других народов. При этом изначально эта сфера деятельности рассматривалась как организация поездок и путешествий преимущественно с целью получения образования, лечения или отдыха.

С возникновением и развитием научных экспедиций активизируется интерес к культуре других народов, приобретают значимость формы этнокультурного туризма, при этом наибольший интерес у туристов вызывают такие элементы этнической культуры, как искусство, народное творчество, архитектурные и природные объекты.

Лишь в XIX в., а в большей степени в конце XX в., российская наука направляет свои исследования к сфере повседневной культуры. Глобализация мирового пространства, в свою очередь, способствовала значительному расширению обыденной жизни людей и актуализации их интереса к окружающему миру и другим культурам [45]. Несомненно, артефакты и ритуалы повседневной жизни, как и личностные, социально-психологические, индивидуальные проявления мышления, способностей человека, а также опыт, привычки, умения и навыки, интересы, увлечения, взгляды и идеалы являются важными характеристиками каждой культуры. К сегодняшним тенденциям, в полной мере отражающим повседневные процессы человеческого бытия, относятся популяризация и рост интереса к сфере питания, поскольку длительное время повседневную культуру в основном рассматривали в аспекте описательных исследований быта, в частности, жилища, одежды, принципов домоведения, организации торговли, досуга, традиционных обычаев и норм. Интерес к пище как составляющей повседневной культуры в основном носил в исследованиях вспомогательный характер.

На наш взгляд, исследования повседневной культуры питания позволят под другим углом взглянуть на различные аспекты жизнедеятельности человека, в том числе организацию туристской деятельности и развитие такого ее вида, как гастрономический туризм.

Мотивацией написания монографии является отсутствие теоретических и практических исследований, связанных с рассмотрением гастрономического туризма как формы репрезентации повседневной культуры питания и продвижения бренда «Дальневосточная кухня» на примере Приморского края.

Развитие и продвижение гастрономии, аутентичных продуктов и блюд относятся к значимым инструментам идентификации, конкурентоспособности и продвижения территории, поэтому актуальным является исследование данного феномена как элемента формирования благоприятного имиджа и продвижения региональных брендов.

Несмотря на возрастающую популярность и возможность использования гастрономического туризма и кулинарного бренда в развитии территорий, степень теоретической разработанности этого проблемного поля остается достаточно низкой.

Степень научной разработанности проблемы. Междисциплинарность темы исследования позволяет рассматривать проблематику в аспекте исторических, философских, социологических, экономических, географических наук. В связи с этим культурологический и культурно-антропологический подходы дают возможность анализировать и интегрировать материал всех вышеуказанных сфер знания о культуре народов, стран и территорий, обеспечивая широту исследования и многогранность его результатов, теоретических и практических выводов. Таким образом, можно

выделить несколько основных направлений анализа содержательных компонентов исследования.

Обращение к проблематике повседневности выявило, что первоначально исследования представляли собой описательный подход к изучению внешних сторон предметно-материальной и духовной жизни (П. Гиро, Н. И. Костомаров, А. В. Терещенко и др.). Затем научные разработки культуры повседневного быта концептуализировали семиотику вещей, смыслов обыденной жизни и ее ментальных структур (Й. Хейзинга, Ф. Бродель [29; 30], М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф и другие представители французской «Школы Анналов»). Системный подход характеризуется комплексностью исследования материальных и ментальных структур повседневности во взаимодействии с макроисторическими и микроисторическими процессами (Ю. М. Лотман, Г. С. Кнабе, А. Я. Гуревич).

Феноменологическая школа Э. Гуссерля признавала самостоятельность, субъективность и простоту повседневности при ее фундаментальности для познания бытия. А. Шюц вслед за Э. Гуссерлем продолжил рассматривать повседневность как «верховную реальность» и ставил ее в один ряд с религией. Социально-философский анализ повседневности отражен в работах А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Элиаса, в исследованиях отечественных авторов: Н. Н. Зарубиной, Л. Г. Ионина, Е. Золотухиной-Аболиной. Рациональные начала повседневности наряду с П. Бергером и Т. Лукманом были подчеркнуты А. Хеллер и Б. Вальденфельсом.

В онтологическом подходе М. Хайдеггера говорится о фундаментальности темы бытия и центральной позиции человека в нем [236–238].

С позиций знаковых систем повседневность анализировалась Г. С. Кнабе, Ю. М. Лотманом. Общие представления об основных элементах структуры повседневности раскрывают работы Ф. Броделя, И. Т. Касавина, С. П. Щавелева, Б. В. Маркова, В. Д. Лелеко, А. Лефевра, Л. Г. Скульмовской [206], Н. В. Назаровой.

Очерки и описания материально-бытовой и культурной сторон жизни русского народа принято относить к первым попыткам изучения повседневности (в частности, это работы Н. И. Костомарова и А. В. Терещенко). Особо выделим таких отечественных исследователей повседневности, как Е. В. Байкова, Л. Г. Ионин [101; 102], В. С. Грехнёв, Н. Л. Пушкарева, Н. Н. Зарубина, А. В. Белова. Ученым Л. Г. Иониным было закреплено официальное определение термина «повседневность». В современном исследовании Н. Л. Пушкарева раскрыла понимание истории повседневности [189] и, вслед за А. В. Беловой [22], рассматривала гендерный аспект повседневности.

Изучение гастрономии как части культуры повседневности, начавшееся во второй половине XIX века, носило фрагментарный характер. В середине — конце XX века структуралисты К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Дуглас рассматривают пищу в качестве способа кодирования культурной информации [21; 138; 271]. Так, Р. Барт сформулировал принципы пищевого кода и назвал их «языком пищи» [21]. Согласно А. Хаук-Лоусону [276], пищевые предпочтения отражают эмоции и демонстрируют истории семей. Развитие области исследования продолжилось в рамках направления «Food studies», объединившего историков, этнографов, антропологов, социологов и экономистов (Э. Контуа, W. Belasco, Willa Zhen, Andrew Deener, Christina Ceisel, Jonathan Deutsch) [269; 265; 293; 270; 268].

История пищи и отдельных продуктов изучается в работах Н. И. Ковалева, В. В. Похлебкина [118; 186]. Большое значение в области семантики и функций пищи имеют труды этнографов и антропологов С. А. Арутюнова, В. В. Подмаскина, Н. И. Григулевича, В. А. Липинской [11–13; 67; 142; 183; 184]. Однако источников,

в которых гастрономическая культура рассматривается как феномен повседневности, недостаточно, и их скорее можно отнести к классическим исследованиям повседневности в целом (Б. Вальденфельс, П. Бурдые, И. А. Манкевич, Б. В. Марков, Г. С. Кнабе, И. Т. Касавин, П. Г. Киттлер, К. П. Сачер и М. Нелмс, А. В. Антюхина, Г. Д. Гачев, Т. Н. Князева, Ж. Ф. Ревель) [6; 42; 34; 60; 109; 117; 148; 149; 116; 181; 192].

К наиболее значимым исследованиям гастрономической культуры в повседневном аспекте относятся, на наш взгляд, работы М. В. Капкан и Л. С. Лихачевой [106; 108]. М. В. Капкан предпринимает первые попытки обосновать методологическое значение термина «гастрономическая культура», проанализировать структуру и выявить ключевые факторы ее формирования. Совместно с Л. С. Лихачевой были выделены элементы гастрономической культуры и ее функции.

Наше исследование, направленное на анализ гастрономического туризма и формирование бренда гастрономического пространства жителей Дальнего Востока, было проведено в историко-культурологическом аспекте с использованием социологического метода (опрос населения Приморского края). При анализе истории освоения территории и состава населения в определенные временные периоды мы опирались на исторические очерки А. И. Алексеева [3], Ю. В. Аргудяевой [8], Ф. Нансена, В. К. Арсеньева [9; 10]. С позиции дальневосточного фронта Дальний Восток анализировался Я. А. Барбенко, А. В. Забияко, А. А. Андреевой [5; 20; 90]. Весомый вклад в исследование гастрономических предпочтений, хозяйственного уклада, ведения кулинарного быта и культурных традиций народностей, населявших Дальний Восток, в частности, Приморский край, внесли Н. А. Насекин, В. К. Арсеньев, В. П. Титов, В. П. Врадий, А. И. Петров, Ф. Нансен, З. Моргун, J. Newman [156; 161; 179; 283]. Немаловажное значение в исследовании пищевых продуктов «инородцев» Дальнего Востока, проживающих на территории Приморского края, а именно китайцев, корейцев и японцев, имеет работа В. П. Врадья (1904).

Гастрономические особенности, предпочтения, традиции, обычаи, поверья коренных малочисленных народностей Дальнего Востока и принципы использования территориальных продуктов питания с медицинскими целями раскрыты в работах В. В. Подмаскина, В. К. Арсеньева, Е. И. Титова, С. А. Арутюнова.

Что касается осмысления проблем истории и развития гастрономического туризма, его сущности, то в монографии мы опираемся на аналитические источники официальных сайтов международной кулинарной туристской ассоциации (WFTA) [114], всемирной туристской организации (UNWTO) [172] и работы ряда авторов: И. В. Сохань [213], Г. А. Гомилевской, К. А. Балынина [19], В. А. Чернова [244], С. Н. Федоровой [233], С. В. Никифоровой, E. Wolf [291]. Этот материал концептуализирован в ряде авторских научных статей [75–77; 79; 80–84; 252; 253].

Решение поставленных задач в рамках монографического исследования опиралось также на круг источников по вопросам территориального имиджа и бренда. Исследование имиджа территории отражено в работах К. Болдуина [266; 267], И. С. Важениной [40; 41], Д. В. Визгалова [46; 47], Д. П. Гавра [53], И. С. Галумова [54], Т. И. Гордеевой [62], Н. А. Коноплевой [122], О. А. Лавреновой [136], Т. В. Метляевой [153], А. П. Морозовой [158], А. П. Панкрухина, А. В. Попова [185], С. В. Рыбакова [198], Ю. В. Тарановой [222], Б. Ю. Эрдынеева [261] и др.

По вопросу бренда территории целесообразно отметить работы С. Анхольта [7], Д. В. Визгалова, Д. П. Гавра, Е. В. Дзякович [86; 87], М. Кавартзиса [279; 280], Ф. Котлера [128–130], В. К. Малькова [146], Т. Моиланена [282], Ю. В. Тарановой

[222], В. Тарнавского [223], В. А. Чернова [242; 245], А. Н. Чумикова [248], Н. П. Шалыгина [249].

Несмотря на количество указанных выше научных трудов, обращает на себя внимание факт практически полного отсутствия исследований, в которых гастрономический туризм рассматривался бы как форма репрезентации повседневной культуры питания и продвижения регионального бренда. Данная тема до настоящего времени не являлась предметом специального научного исследования.

Объект исследования: повседневная культура питания.

Предмет исследования: гастрономический туризм как форма репрезентации повседневной культуры питания населения Дальнего Востока (на примере жителей Приморского края).

Цель и задачи работы: выявить сущностные характеристики и тенденции развития гастрономического туризма как формы репрезентации повседневной культуры питания жителей Дальневосточного региона и разработать принципы продвижения дальневосточной кухни (на примере Приморского края).

Цель исследования предопределила необходимость решения следующих **задач**:

1) выявить и проанализировать основные теоретико-методологические подходы к исследованию повседневности, гастрономической культуры, повседневной культуры питания;

2) рассмотреть сущностные характеристики и специфические особенности гастрономического туризма как формы репрезентации повседневной культуры питания;

3) раскрыть сущность понятий «имидж», «территориальный имидж», структуру и функции кулинарного бренда как культурных форм территориального брендинга Приморского края;

4) определить структурно-функциональные характеристики культуры питания жителей Приморского края;

5) выявить природные и культурные ресурсы гастрономического туризма в контексте характеристик дальневосточной кухни;

6) обосновать возможности развития гастрономического туризма в продвижении территории Приморского края в аспекте бренда «Дальневосточная кухня».

Источники исследования представлены комплексом документов, по содержанию и происхождению классифицированных следующим образом:

Первая группа включает федеральные и региональные законы об основах туристской деятельности, постановления Правительства Российской Федерации, различные программы развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации и Дальневосточном регионе, данные Федеральной службы государственной статистики по Дальневосточному региону, Агентства по туризму Приморского края.

Вторая группа источников представлена информационными ресурсами глобальной сети Интернет по исследуемым проблемам.

Третью группу составляют материалы результатов анкетирования, осуществленного авторами в процессе полевых исследований 2017–2021 гг.

Территориальные рамки исследования ограничиваются Приморским краем, включающим в себя 12 городских округов, 22 муниципальных района, на территории которых располагаются 23 городских, 96 сельских поселений, 2 межселенные территории.

Теоретико-методологическая основа исследования отражает специфику научной проблемы, целевую установку и решение поставленных задач.

В качестве теоретической основы диссертационного исследования выступили теории повседневности: Э. Гуссерля, Т. Лукмана, М. Блока, Л. Февра, А. Шюца, Н. Элиаса и др.; концепции повседневной культуры питания и гастрономической культуры (Р. Барт, М. Дуглас, К. Леви-Стросс, С. А. Арутюнов, Ю. В. Аргудяева, Г. Д. Гачев, М. В. Капкан, Л. С. Лихачева, Б. В. Марков, В. В. Подмаскин и др.); сущности имиджа, территориального имиджа и бренда (С. Анхольт, Д. П. Гавра, И. С. Важенина, Д. В. Визгалов, Ф. Котлер, А. П. Панкрухин и др.); теории этноса и этничности (Л. Н. Гумилев, Ю. В. Бромлей, Н. Н. Чебоксаров, С. М. Широкогоров). Гастрономический туризм рассмотрен на основе работ К. А. Балынина, Г. А. Гомилевской, А. А. Морозова, С. Н. Казначеевой.

Методологическую основу исследования составляют принципы информационного, культурологического, культурно-географического, системного подходов. Информационный подход в исследовании культуры Приморского края был направлен на рассмотрение территории, сложившейся в ней культуры питания как формы хранения, закрепления и передачи информации. Причем этот подход достаточно четко продемонстрирован в информационной теории этноса (С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров), согласно которой в основе существования этносов лежат интенсивные информационные языковые, культурные связи (передача ценностей, обычаев, традиций), что позволило нам рассмотреть истоки элементов питания дальневосточных этносов, сформировавшихся в результате контактов аборигенных жителей территории Приморского края, инородцев и переселенцев, и обосновать структурную модель бренда «Дальневосточная кухня».

В свою очередь культурно-географический подход позволил обосновать связь культуры питания со спецификой географии региона, его климатическими условиями и рассмотреть Приморский край как пространственный фронт, в котором взаимодействуют и осуществляют культурные взаимодействия ряд этносов.

Системный подход позволил рассмотреть гастрономический туризм как актуализированную в современной культуре культурную и экономическую форму.

Сравнительно-сопоставительный метод позволил осуществить сопоставление кулинарных обычаев, традиций, употребляемых продуктов и т. д. и выявить общее и специфическое в культуре питания народов, населяющих Приморский край.

Метод анкетирования был использован в эмпирическом исследовании, что позволило собрать данные для последующей их систематизации и выявления специфики дальневосточной гастрономической культуры и мнений о возможностях развития гастрономического туризма в Приморском крае.

Структурно-функциональный метод был использован для обоснования структурных элементов и функций повседневности; гастрономического туризма как целостной структуры. Семиотический метод, теория языка пищи Р. Барта и результаты, полученные с помощью интервьюирования (нарративный метод) и анкетирования, позволили обосновать специфические проявления пищевого кода Дальневосточной гастрокультуры.

Для достижения цели и задач исследования также использовались классические общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирование и конкретизация.

1. Теоретико-методологические основы исследования гастрономического туризма как формы репрезентации повседневной культуры питания и продвижения бренда «Дальневосточная кухня»

1.1 Повседневность как объект и основание исследования повседневной культуры питания и гастрономической культуры в научном знании

С осознанием особенности существования человека, выделяющего его из природного мира в специфическую, созданную им среду повседневного быта, ученые обратились к его проблематике и концептуализации культуры повседневности.

Причем актуализация этих исследований во второй половине XIX–XX вв. носила системный характер и опиралась на данные ряда наук: философии, истории, социологии, психологии, эстетики и др.

На сегодняшний день в центр исследовательского внимания помещены аспекты терминологии повседневности, человеческого бытия и форм организации окружающего пространства. Вопросы, связанные с обыденной культурой, отражены в таких научных дисциплинах, как литература и искусство, этнология, этнография, антропология и культурология.

В XI–XVII вв. происхождение термина «повседневный» исторически связано с богослужебной практикой и обозначением промежутков времени между церковными праздниками, а потому было не оценочным, а функциональным [22, с. 91].

Семантическое исследование понятия «повседневность» показало, что термин не является основным, поэтому определения введены только для производящего слова «повседневный». Так, согласно словарю С. И. Ожегова, повседневный:

- 1) осуществляемый изо дня в день, всегда (повседневное руководство) [168];
- 2) бывающий всегда, обычный (повседневные заботы) [209].

Толковый словарь Кузнецова использует похожие трактовки:

- 1) имеющий место изо дня в день, каждодневный (Повседневный быт. Повседневная жизнь);
- 2) ничем не примечательный; обыденный, будничный (Повседневный костюм. Повседневная причёска) [27].

Во многих словарях обозначение термина «повседневный» объясняется через синонимичные: каждодневный [210, с. 162], ежедневный, постоянный [225, с. 340], обычный [98].

Тем не менее, в профессиональных словарях можно найти достаточное количество трактовок понятия «повседневность», которые определяют его:

– как «жизненный мир»: целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества как «естественное», самоочевидное условие человеческой жизнедеятельности [165];

– через «повседневную жизнь»: процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на

предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками [183];

– как человеческую жизнь, рассмотренную с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. [181; 216].

Основу философского понимания человеческого бытия заложили в Древней Греции в двух противоположных реальностях: первичной, постоянной и фундаментальной — «фюсис» и вторичной — «техне», временной и преходящей соответственно. Аристотель различал их как «начало в себе» и «начало в ином», при этом последнее имело «возможность» расширять себя в предметном мире повседневности.

Проблеме толкования «повседневной культуры» особое внимание начали уделять в XIX веке, однако как самостоятельный предмет исследований она оформилась только в конце следующего и приобрела актуальность благодаря представителям французской «Школы Анналов» (Й. Хейзинга, М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф), поставившим ее в центр изучения общества как целостности с его глубинными структурами, внутренними взаимосвязями между разнообразными сферами жизнедеятельности человека, обеспечивающими развитие социума и культуры, их неповторимость и своеобразие на каждом временном этапе.

М. Блок в работе «Апология истории или ремесло историка» одной из важных задач перед историческим знанием ставит необходимость рассмотреть ряд новых аспектов повседневной жизни человеческих групп (от малых — семья до больших — классов, обществ, цивилизаций), в том числе исследовать природную среду, историю техники, систему полей, способы их обработки, трудовую деятельность человека в различные периоды, движение цен и заработной платы [24].

Необходимо отметить, что Люсьен Февр и Марк Блок сформировали другое видение в исследовании общества, обратив внимание наряду с материальными и духовными объектами на человека, который становится «источником», отражателем коллективных представлений, социокультурных и психологических установок изучаемой временной эпохи.

Фернан Бродель называет повседневностью ту сторону жизни, «в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, — привычка, или даже рутинная, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничьего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания» [29, с. 13].

В работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.» Ф. Бродель в томе «Структуры повседневности» рассматривает три пласта жизни общества: повседневная — материальная жизнь, рыночная экономика и капитализм. В сферу повседневной жизни входит все, что «служит человеку»: пища, жилище, одежда, предметы роскоши, орудия, денежные средства, планы деревень и городов [30, с. 41]. Более того, по словам автора, материальный и экономический «этажи» цивилизации существуют во взаимодействии и противопоставлении. В центре исследования история «масс», а не отдельных событий или героев общества, материальные ценности и навыки (строительства, обработки земли, производства продуктов и пошива одежды), которые эти «массы» сохраняют и развивают с течением времени.

По нашему мнению, именно Ф. Бродель как основоположник структурного подхода исследует повседневность системно, выделяя в структурах повседневности элементы материальные (люди и вещи) и нематериальные (географические, агротехнические, производственные условия, коммуникации, ценностные установки и нормы, регулирующие поведение человека, его идеалы, поступки и желания, формы семьи и брака, религиозных верований и социально-политических организаций). Причем ученый отмечал, что все связанное с человеческой жизнедеятельностью мало изменчиво, инертно. Это и пища, и напитки, и мебель, одежда, мода, транспорт, предметы роскоши и деньги, болезни и способы лечения [30].

Близкую к «Школе Анналов» концепцию разработал немецкий ученый Норберт Элиас, занимающийся проблемами долговременных изменений и происхождения культурных отличий больших общественных групп и отдельных индивидов.

Бернхард Вальденфельс отмечает важность положений, выдвинутых Норбертом Элиасом, недооценка которых может повлечь отрицательные последствия для исследования повседневности, а именно: «нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию» и «нельзя обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти» [42, с. 40]. В своих исследованиях Н. Элиас упоминал, что изменение поведения и сознания людей зависит от изменения способа, каким живут люди друг с другом. Изменения, прежде всего, касаются взаимоотношений между людьми, их повседневности [259, с. 37].

Автор выстраивает восемь пар противопоставлений, определяя «повседневность» через оппозиционные значения: повседневность — праздник (праздничный день); повседневность как рутина ежедневных обстоятельств — не рутинные, экстраординарные сферы общества; повседневность как будни — сферы жизни буржуазии, т.е. людей, которые живут доходами, живут праздно; повседневность как жизнь народа — жизнь высокопоставленных и могущественных персон (королей, принцев, президентов, членов правительства и т. п.); повседневность как событийная сфера ежедневной жизни — все то, что традиционно рассматривается как сфера «великих событий» государств и их правителей; повседневность как частная, приватная жизнь (досуг, семья, любовь, дети) — общественная жизнь (профессиональная); повседневность как сфера естественного, спонтанного, нерелексивного, истинного переживания и мышления — область рефлексивного, искусственного, придуманного переживания и мышления, в особенности научного; повседневность как обыденное сознание, т.е. идеализированное, наивное, непродуманное, ложное мышление и переживание — настоящее, правильное, истинное мышление [196].

С противопоставления также начал свой анализ повседневности Бернхард Вальденфельс, обозначив повседневное как «привычное, упорядоченное, близкое», в противопоставлении ему — «непривычное, вне обычного порядка находящееся, далекое» [42, с. 42]. Человеку необходимо создавать свой порядок, в процессе которого происходят привыкание и освоение навыков, воплощающихся в материальных предметах. «Питание, одежда, продолжение рода, пространственная ориентация жилища, распределения времени — все это принадлежит миру близкому, знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться» [Там же].

В контексте феноменологического подхода необходимо отметить австрийского философа Эдмунда Гуссерля, обратившего внимание на значимость философского осмысления сферы человеческой обыденности, которую он именовал «жизненным миром» [170].

Категория «жизненный мир» употребляется в смысле «простого мира опыта», которая противопоставляется точным наукам. «Этот действительно созерцаемый, действительно познаваемый и уже познанный в опыте мир, в котором практически разыгрывается вся наша жизнь, остается, как он есть, неизменным в его собственной существенной структуре, в его собственном конкретном каузальном стиле, чтобы мы ни делали с помощью искусства или без такового. Он не изменяется, стало быть, и в силу того, что мы изобретаем то или иное особое искусство, геометрическое или галилейское, которое теперь называется физикой» [70, с. 77].

Жизненный мир, по Э. Гуссерлю, представляет собой дорефлексивный мир, который, в отличие от теоретических конструкций науки, дан естественным образом и не нуждается в перестройке сознания. Мир повседневного опыта субъективен, вбирает в себя все практические образования и является «почвой» всякой науки, «даже те, которые принадлежат объективным наукам как фактам культуры, если мы воздерживаемся от участия в их интересах» [Там же].

Здесь повседневность понимается как самостоятельная реальность, наиболее привычная, очевидная и динамичная, которая формируется каждым индивидуумом, известна всем, проста и субъективна. Л. П. Станкевич и И. П. Полякова отмечают, что «благодаря Э. Гуссерлю повседневность обрела в глазах философов статус самостоятельной реальности, имеющей фундаментальное значение» [219, с. 75].

Э. Гуссерль отмечал, что все науки «...должны служить целям, которые заключены в этой жизни и должны быть соотнесены с жизненным миром» [70], а обнаружение истины возможно только в том, что дано непосредственно, то есть в повседневности, поскольку она является привычной сферой человеческого существования.

Категория «жизненного мира» Э. Гуссерля отождествляется с миром повседневного опыта, наивной субъективности, естественной установки, предшествующей научной объективности [256, с. 166].

Альфред Шюц вместе с Томасом Лукманом понимает категорию «жизненный мир» как мир, в рамках которого исследуется повседневность, он «переживается, познается и ощущается». «Жизненный мир предстает как всеохватная сфера человеческого опыта, ориентаций и действий, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми» [211, с. 1040].

В концепции американского философа и социолога А. Шюца, осуществившего синтез идей Э. Гуссерля, повседневность существует, но не осознается, «...она служит предпосылкой действий, дум, поисков всех людей, когда-либо живших и живущих на земле, но незаметна: воздух, которым дышим; глаза, которыми смотришь на мир; дорога, по которой ходишь каждый день» [125, с. 80–84]. Кроме того, Альфред Шюц в основу анализа ставит действующее лицо или структуру его персонального сознания, обладающие собственными стремлениями, переживаниями и чувствами, подчеркивая тем самым «интерсубъективность» повседневности, складывающейся на уровне обыденного, используя типизации различных мыслительных схем, и воспринимающейся каждым человеком по-своему [196]. «Он («мир повседневности») интерсубъективен, так как мы живем среди других людей, нас связывают общность забот, труда, взаимопонимание» [258].

В работе «Структура повседневного мышления» А. Шюц характеризует когнитивный стиль повседневности с помощью следующих элементов: трудовая активность, ориентированная на преобразование внешнего мира; воздержание

от сомнения в существовании внешнего мира и в том, что этот мир может быть не таким, каким он кажется отдельному индивиду; напряженное отношение к жизни; специфическое восприятие времени (цикличность трудовых ритмов); личностная определенность действующего индивида (участие в повседневности всей полнотой личности); особая форма социальности [Там же].

Повседневность, по Шюцу, верховная реальность, оказывающая на мышление и деятельность человека наиболее сильное и глубокое влияние.

В исследованиях философов М. Вебера, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера уделено внимание изучению взаимосвязи человека с различными природными явлениями и сферами жизнедеятельности на разных этапах развития и доказано, что рациональный подход к описанию явлений обыденности человеческого мира и природы невозможен. Образ жизни, внутренний опыт и влияние окружающей среды по-разному отражаются на определенной группе людей и образуют различное восприятие повседневности [76].

Макс Вебер ввел понятие «оповседневнивание», суть которого составляет процесс обживания, включая освоение традиций, обучение и закрепление норм. Оповседневнивание представляется как деградация культуры. В этом процессе повседневность выступает в качестве сферы, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки [42, с. 46].

В работах Г. Зиммеля, М. Хайдеггера и Г. Маркузе повседневность обозначена в качестве неаутентичной формы бытия человека, то есть такой формы, в которой человек утрачивает свои основные человеческие качества (самосознание, свобода выбора, способности к творчеству, сопереживанию, любви и т. п.) [94; 150; 237].

В фундаментальной онтологии М. Хайдеггер подчеркивал, что «многое мы впервые узнаем в модусе повседневной истолкованности, и есть немало такого, что никогда не поднимается над повседневным уразумением» [238, с. 33].

Работа «Бытие и время» поднимает вопрос фундаментальности темы бытия. При этом повседневность, по Хайдеггеру, носит характер публичности («... есть способ быть, к которому принадлежит конечно публичная открытость...») и постоянного присутствия («...обуславливает присутствие и тогда, когда оно не избрало себе в «герои» людей») [236, с. 184]. Это присутствие проявляется во всех поступках человека, в том числе и во взаимодействии друг с другом, в принятии ежедневного выбора (которого невозможно избежать) и создании уюта вокруг себя.

Мир повседневности требует неустанного повторения необходимых забот (М. Хайдеггер называет это недостойным уровнем существования), которые подавляют творческие порывы личности.

М. Хайдеггер называет повседневность однообразной, говорит о существовании опасности, что любой проект затянет человека в болото обыденности, вещности. «Присутствие может глухо «страдать» от повседневности, тонуть в ее духоте, уклоняться от нее, ища для рассеяния в делах новой рассеянности. Однако экзистенция способна также в мгновение ока и, конечно, часто тоже лишь «на мгновение» овладеть повседневностью, пусть никогда не отменить ее» [236].

В свою очередь противоположное мнение в развитии тем, связанных с вопросами повседневности, наблюдается в работах Томаса Лукмана и Питера Бергера, для которых повседневность, как и для Альфреда Шюца, является верховной реальностью — «*pragexcellence*», существует как самоочевидная и неопределимая фактичность, не требующая доказательств и проверок своего существования. Такую

привилегированность она получает ввиду высокой напряженности сознания («...последняя (повседневная жизнь) накладывается на сознание наиболее сильно, настоятельно и глубоко») [23, с. 41].

В работе «Социальное конструирование реальности» названные ученые определяют повседневную жизнь как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Там же]. Фокус внимания к реальности повседневной жизни, именуемый как «здесь-и-сейчас», отличен у каждого человека (со своими значениями и установками), но при этом существует постоянное соответствие между этими установками и общее понимание реальности. Ближайшей к человеку является зона повседневной жизни, доступная для физической манипуляции, внутри которой авторы выделяют несколько уровней организации реальности повседневной жизни, рассматриваемых в виде концентрических сфер в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности к индивиду. Здесь же необходимо отметить важность временной структуры повседневной жизни, ведь именно она подтверждает ее реальность [Там же].

Анри Лефевр в описании термина «повседневность» использует противопоставление и контраст понятий: «наиболее универсальное» и «единственное в своем роде», «в наибольшей степени социальное» и «наиболее индивидуализированное», «наиболее очевидное» и «наилучшим образом скрытое», выделяя следующие противоречия [141]:

1. «Повторение и изменение»

Суть повседневности в ее повторяемости: *циклической* (природной): день и ночь, деятельность и покой, пресыщение и голод, жизнь и смерть; *линейной* (преобладающей в «рациональных» процессах): повторяющиеся действия труда и потребления. При этом, несмотря на монотонность повседневности, «в этом заключено фундаментальное противоречие повседневности — все изменяется» [141, с. 35].

2. «Пассивность общая и пассивность особая»

Повседневность, унифицируя основные сферы социальной жизни (работа, семья, досуг), объединяет их за счет «организованной пассивности», однако распределение ее неравномерно. По мнению Анри Лефевра, пассивность сильнее давит на женщин, рабочий класс, молодежь — на большинство людей, «...никогда одним и тем же образом, в одно и то же время, никогда одновременно на всех» [Там же].

3. «Современность и повседневность»

Критический анализ повседневности раскрывает две позиции: одни хотят «изменить мир» и проявляют нетерпимость к повседневному, другие считают опыт обычной жизни важным и интересным. Однако изменение повседневного возможно только за счет изменения общества, пространств, архитектуры, городов, а сведение значимости проживаемого повседневного опыта к минимуму недопустимо. «Из-за того, что в нашем распоряжении находятся колоссальные технические средства и по причине ужасных опасностей, ожидающих нас в будущем, мы в таком случае рискуем отказаться от гуманизма «человеческого» только ради того, чтобы войти в область «сверхчеловеческого» [Там же, с. 36].

Венгерский философ Агнеш Хеллер рассматривает повседневность как сферу «реальности в себе», состоящую из правил и норм обычного языка и его употребления; правил и предписаний для использования и манипуляции объектов, в первую очередь созданных руками человека; правил и норм человеческого

общения, так называемых обычаев. Причем все эти правила и нормы взаимосвязаны, поскольку дают необходимый смысл только в контексте друг друга [277, р. 43–60]. Для А. Хеллер повседневность выступает посредником между природным и культурным, где происходит реализация потребностей индивида, формируется личность и развиваются человеческие способности.

Понятие «культура повседневности» имеет широкое поле для исследований, включая такие процессы и явления, как быт, образ жизни, мышление людей определенной социальной группы или исторической эпохи, ценностный мир человека, а также привычки, поведение, нравы, обычаи и традиции, способы мировосприятия и картины мира [18].

Специфика отечественного изучения повседневности во многом сложилась за счет ключевых зарубежных философских направлений, рассмотренных ранее, хотя не все они считались приоритетными.

Целесообразно отметить, что классическими российскими трудами, относящимися к первым попыткам изучения повседневности, принято считать очерки и работы описательного характера, касающиеся быта.

Широко известной работой, в которой обстоятельно изложены аспекты материальной культуры и быта русского народа, можно назвать «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» Николая Ивановича Костомарова [127].

Сам автор в предисловии говорит о том, что такие работы, как летописи, очерки и другие исследования по «разным отраслям русской старины», составляют ценность как для человека, следящего за ходом науки, так и для узконаправленных ученых, с чем нельзя не согласиться.

Н. И. Костомаров описал жилые местности, значимость строительства городов, жизни в селах и деревнях. Особое внимание уделено образу домашней жизни и концепту дома, в том числе домашней мебели, утвари, а также семейным нравам, традициям принятия гостей, культуре питания и пиршества, играм, праздникам, обрядам и верованиям. Очерк имеет сугубо описательный характер, как бы «взгляд извне» на материально-вещественную составляющую русского быта того периода.

Отечественный этнограф и археолог Александр Власьевич Терещенко в работе «Быт русского народа», названной «энциклопедией русской жизни ушедших эпох», систематизирует информацию, касающуюся материальной (жилище, одежда, пища и т. п.), духовной (музыка, искусство и т. п.) и обрядовой (традиции, проведение свадеб, похорон и т. п.) культур [37]. Однако стоит отметить, несмотря на такой широкий охват областей и объем сочинений, работа все же носит описательный характер.

В отечественных культурологических исследованиях впервые официальная дефиниция повседневности была закреплена Л. Г. Иониным в энциклопедии «Культурология. XX век» и обозначалась как «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуации взаимодействия всеми его участниками. Другие признаки повседневного переживания и поведения: нереплексивность, отсутствие личной вовлеченности в ситуации, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия» [181].

Подобно Норберту Элиасу исследователь Л. Г. Ионин обосновывает, чему повседневное, рутинное и обыденное противопоставляется:

а) будни — досугу и празднику (в этом случае противопоставление «повседневность — будни»);

б) общедоступные формы деятельности — высшим специализированным формам (работа бухгалтера противопоставляется работе космонавта, тогда под обыденностью и повседневностью мы понимаем общедоступные формы деятельности);
в) жизненная рутина — мгновениям острого психологического напряжения, приключениям (повседневность — это обычная жизнь);
г) действительность — идеалу (повседневность — просто действительность) [Там же].

Обобщая и некоторым образом упрощая, Л. Г. Ионин характеризует повседневность как рутинный и неосознанный мир, в то же время отмечая: «...понимаем его по-разному, вкладываем в него разные смыслы» [101].

Первым отечественным исследователем, который использовал семиотический подход в изучении внутренних смыслов повседневности, признан Ю. М. Лотман. Автор многочисленных работ по семиотике культуры предлагал «видеть историю в зеркале быта» и говорил о неразделимой связи между бытом и развитием человека: «Обращаясь к истории быта, мы легко различаем в ней глубинные формы, связь которых с идеями, с интеллектуальным, нравственным, духовным развитием эпохи самоочевидна» [144, с. 10].

Ю. М. Лотман также был убежден, что любая структура формирует определенный «язык» или систему знаков: «...знаками же мы называем любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т. д.), которое имеет значение и, таким образом, может служить средством передачи смысла» [Там же, с. 6].

Каждый предмет быта представляет ценность, и в совокупности они образуют культурный шифр, создающий культурный, эмоциональный контекст и диктующий стиль, и манеру поведения, использование жестов, формирующий определенные психологические установки.

В качестве примера некой «власти» вещей Ю. М. Лотман приводит появление в женской моде тенденции ношения брюк, в связи с чем у женщин меняется походка, становится более спортивной и «мужской». Более того, автор отмечает «вторжение» в женское поведение типично «мужских» жестов и усвоение мужской манеры смеяться.

В. С. Грехнёв называет повседневную жизнь людей реальностью и фактичностью бытия, миром, где «...люди рождаются, умирают, учатся, работают, отдыхают, любят и ненавидят, заводят семью, воспитывают детей, радуются и страдают. Реальность повседневной жизни характеризуется ощущением повторяемости, выступает как признаваемый всеми порядок, указывающий на особый характер времени, на специфический (отличный от других) или обычный (как у всех) относительно постоянный и устойчивый способ бытия каждого человека» [66, с. 23].

Интересно мнение В. Д. Лелеко, который считает, что «повседневность возникает там, где есть человек» [140, с. 103]. События повседневной жизни исследователь называет «формой проявления определенного уклада жизни с его устоявшимися, изо дня в день повторяющимися делами, поступками, занятиями. Стабильность повседневной жизни противоречит случайностям и неожиданностям» [Там же, с. 113].

Тем не менее, В. Д. Лелеко вносит ряд спорных моментов относительно повседневности: обязательный фактор — ежедневность (если трудовая деятельность имеет другую периодичность, то это выбивается из рамок повседневного); исключаются события социального характера (рождение, смерть, заключение браков),

а также сон, вера и досуг [196, с. 52]. Противоречиво в отношении «сна» высказывалась Е. В. Золотухина-Аболина, которая, с одной стороны, считает сон одним из «оппонентов» повседневности, а с другой — обозначает его как «повторяемый элемент обычной жизни», являющийся повседневным [95, с. 5].

Для отечественной истории и культурологии характерно стремление к комплексному исследованию как материально-предметных, так и ментальных структур повседневности с учётом взаимосвязи, и взаимовлияния культурно-исторических событий любого уровня (А. Гуревич, Г. Кнабе, Е. В. Золотухина-Аболина и др.).

Так, Г. С. Кнабе в работе «Диалектика повседневности» возвышает повседневное бытие человека и выделяет знаковое содержание предметов бытового обихода, позволяющее дать характеристику социокультурной принадлежности его владельца [116].

Более того, в условиях постоянно обновляемого производства и приобретений человек получил возможность выражать свое индивидуальное культурное самощущение и эмоциональное отношение к действительности. Георгий Кнабе подчеркивает, что функция эмоционального общественного самовыражения, которая раньше выполнялась «монополией идеологии, слова, высокого искусства», сегодня взята повседневной жизнью и ее инвентарем [116].

В труде «Повседневность: философские загадки» Е. В. Золотухиной-Аболиной «повседневность» рассматривается в трех аспектах:

1) как «простая эмпирическая жизнь» — нахождение человека в материальном мире, переживаемом чувственно и являющемся истинной и последней реальностью, с предметами, на которые человек может определенным образом воздействовать. Эмпирическая жизнь — «бренная жизнь» с закрытым от человека персональным будущим, подчинена ритмам природы и культуры, сопряжена с наличием собственного мнения и неспособностью возвыситься над потребностями, желаниями и интересами «эго» («телу» необходимы пространство, пища, возможность удовлетворения инстинктов и реализации способностей, поэтому эмпирическая жизнь «полна страстей, столкновений стремлений, эмоций, борьбы» и т. п.) [Там же, с. 9];

2) как социальное явление — «стандартизированный и нормированный срез эмпирической жизни, как мир правил, циклов, стереотипов»: здесь подразумеваются общественный характер повседневности, ее типизация и стандартизация. У каждого человека есть своя социальная роль, соответствующие ей манера поведения и способы коммуникации в обществе. Вместе с тем социальная идентификация всегда происходит внутри человеческих контактов, а формирование индивидуальности связано с отождествлением себя с другими, «...как оригинальная личность он не появился бы без этого ряда (без коллектива/общества, в котором он живет)» [Там же, с. 13].

Внутри повседневности существует много знаний и установок, которые доступны и понятны каждому члену общества, «знание фоновое, латентное», при этом составляющее «живую ткань повседневности», которая позволяет налаживать контакт с внешним миром, направляет человека изнутри и корректирует его поведение.

Обосновывая социальность повседневности, автор отмечает, что все человеческие представления типизированы: человек использует клише, мыслит стереотипами, соблюдает нормы и правила, поэтому реальность понятна и предсказуема. «Мы способны достигать целей и воспроизводить каждый день свою жизнь именно благо-

даря наличию повторяемости, стереотипности, общепонятных поведенческих циклов, в которых задействованы многие люди, твердо знающие свои «роли» [95, с. 15];

3) как «сфера согласованных действий»: повседневность утверждает равенство, точки зрения разных слоев населения и культур взаимозаменяемы (постулат А. Шюца о взаимозаменяемости) [257, с. 102], каждый человек способен понять другого, интерпретировать мир и действовать вместе. Переживание мира в опыте обосновывается и корректируется переживанием мира в опыте другими. Такое понимание повседневности «обеспечивает воспроизводство реальных отношений» и дает возможность «опираться на других для получения благ и саморазвития» [95, с. 16].

Заметим, что Б. В. Марков дает похожее объяснение повседневности, которая, на его взгляд, включает в себя не только личностное отношение к действительности (эмоции, переживания, мнения и т. п.), но и определенную деятельность, выраженную в нормах и регулируемую различными институтами [149].

Таким образом, повседневность, по Золотухиной-Аболиной, есть особая сфера, один из человеческих миров с своими границами, структурой и спецификой [95]. Автор применяет словосочетание «обычная жизнь» в качестве синонима термину «повседневность». В свою очередь отмечается, что «вкус, яркость и отчетливость переживания обычной жизни связаны как с ее конкретным качеством, так и с тем, насколько она сопряжена с другими, «внеповседневными» способами миропереживания» [Там же, с. 7].

В современных работах И. Т. Касавина и С. П. Щавелева отмечается, что повседневность, несмотря на свою неоднородность и различия по содержанию и значению, является первичной и безусловной для всех и по-разному относится к специальным сторонам человеческой жизни [109].

Согласно их постулату, повседневность образует «конечную форму приложения всех остальных форм существования и деятельности людей» [109, с. 21] и, несмотря на постоянство и однообразие, дополняется развитием обыденного опыта в связи с «циклическими изменениями природы, неизбежными вызовами жизни, движениями человеческой души» [Там же, с. 22].

Н. Л. Пушкарева в центре внимания истории повседневности рассматривает реальность, интерпретируемую людьми и имеющую субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира; исследование этой реальности, поведение и реакции на события [190, с. 9–21]; характеризует повседневность как понятие очень широкое, всеохватное и трактует его как «совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, каждое из которых в отдельности рациональное, т.е. запланированное индивидами», предполагающее повторяемость привычных ситуаций и автоматизмы обыденности [Там же, с. 22, 29].

По выражению Н. Н. Зарубиной, «повседневность никогда не остается замкнутой системой, имеет подвижные и проницаемые границы и пронизана сложными взаимосвязями с «большим миром» политики, высокой культурой, духовной жизнью» [91, с. 54].

А. В. Белова рассматривает повседневность в гендерном аспекте и развивает исследования по «женской повседневности». В ее варианте «повседневность» определена как «жизненный континуум, непрерывность опытов, практик, восприятий, а главное — переживаний, реализующих субъективность»; «женская повседневность» в дополнение характеризуется переживаниями «всех разновидностей, форм, сфер и

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru